

Безопасность и общество

РУДАКОВ Анатолий Валерьевич — кандидат политических наук, главный эксперт научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ) Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603005, Россия, г. Н. Новгород, ул. Ульянова, 2; tamtgderuda@mail.ru)

УСТИНКИН Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор; декан факультета международных отношений, экономики и управления Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, (603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а; sv.ustinkin@gmail.com)

ТРАНСФОРМИРОВАННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА И ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. В статье анализируется специфика феномена нового терроризма, используемого как элемент стратегии ведения «гибридной войны». Авторы характеризуют отдельные механизмы проникновения террористических сетей на территорию страны посредством информационных воздействий, направленных на трансформацию идентичности граждан в различных средах.

Ключевые слова: «гибридная война», новый терроризм, деформированная идентичность, информационная среда терроризма

Сегодня против России используется новый технологический инструментарий ведения борьбы, существенно отличающийся по ряду характеристик от традиционных способов осуществления агрессии. В этой сфере произошла смена технологических укладов [Якунин, Багдасарян, Сулакшин 2009: 398]. Новая реальность мировых конфликтов — это феномен «гибридных войн» [Тесленко, Пеструилова 2015]. Термин «гибридная война» (*hybrid warfare*) используется специалистами на Западе и в России для обозначения стратегии, в которой активно применяется весь доступный арсенал технологий несилевых воздействий, гибко подстраиваемых под изменяющуюся ситуацию в стране противника, в совокупности с использованием силовых средств, прежде всего высокомотивированных террористических сетевых структур [Тесленко, Пеструилова 2015].

Ведение «гибридных войн» отражает историческую тенденцию перехода от войн с истреблением противника к воздействиям, ориентированным на его «самодезорганизацию» и «самодезориентацию» [Овчинский, Сундиев]. В этой связи острое «гибридной войны» с ее мощным информационным сопровождением направлено на трансформацию ценностей, переформатирование физиологических, социальных и информационных потребностей людей в различных средах. Посредством этого инструментария субъекты глобального противоборства стремятся к достижению цели деструкции исторически сложившейся культуры, основных мировоззренческих, культурных и идеологических установок, идентичности граждан — то есть, смены внутренней организационной среды, определяющей жизнедеятельность государства. При этом террористическим структурам отводится роль фактора внешней и внутренней жизни государства противника, который точечными ударами добивается радикализации тех или иных групп населения, дискредитирует политику государства, оттягивает на себя ресурсы, в наиболее уязвимые для общества периоды выступает силой, которая окончательно должна подтолкнуть неустойчивую систему к ситуации коллапса и нестабильности.

Управляемые по типу ИГИЛ (ее деятельность в Российской Федерации запрещена) проекты создают в современном мире условия для ведения терроризмом перманентной глобальной войны для создания ситуации политической и экономической неопределенности, политической нестабильности на планете, позволяющие инициатору процесса решать свои стратегические задачи. Направляя террористические группировки на те или иные объекты, те или иные государства, манипулятор получает возможность создавать информационный фон, способствующий включению государств в какие-либо процессы или их выключению государств в какие-либо процессы, осуществляет тотальное воздействие на обстановку в целом.

Изменяющийся контекст мировых процессов, расстановка сил в глобальном масштабе и применение новых средств ведения противоборства фактически позволяют сегодня специалистам говорить о феномене нового терроризма как элемента стратегии ведения «гибридной войны» [Добаев, Добаев 2009: 120; Чеботарев 2015; Field 2009].

Новыми для явления современного международного терроризма в складывающихся условиях становятся следующие особенности, которые обуславливают специфику тактики деятельности противника, объекты его устремлений, многообразии и вариативности террористических проявлений.

1. Претерпевает изменения тактика позиционирования террористических структур в информационном пространстве. Помимо прочих, подвергся изменению подход в вопросах продвижения образов идеологических лидеров террористических организаций [Журавлев 2011; Conway]. К примеру, если в начале нулевых годов вожди террористических структур были известны их рядовым участникам, то в настоящее время в информационном пространстве создается образ движения «халифатчиков» как стихийного и безлидерного. В начале нулевых террористические структуры пропагандировали себя как организации с устойчивой членской базой, а также как образования с достаточно определенной географической привязкой. В настоящее время эта грань размывается, террористические структуры согласно формируемому ими самими образу существуют «вне территории», «вне устойчивой членской базы» [Сундиев, Смирнов]. Способ мобилизации участников террористических структур перешагнул географические границы, он виртуализирован, внеисторичен. Ячейка ИГИЛ может возникнуть как будто на ровном месте, «не из чего». Указанные особенности в позиционировании себя террористическими структурами в информационном пространстве вполне соответствуют целям и стратегии ведения «гибридной войны», которая в целом нацелена на «диффузию временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов проведения силовых акций и боевых действий» [Некlessа 2014].

2. В «гибридной войне» происходит эволюция идеологем, транслируемых террористическими и экстремистскими организациями. Например, сущность лозунгов международных террористических структур в начале нулевых годов сводилась, как правило, к призывам достижения конкретных политических целей – провозглашения «Имарата Кавказ» и борьба за его отделение от России, построения халифата в определенных географических границах и т.п. В настоящее время террористы во всемирном информационном пространстве призывают не столько к достижению обозримой в исторической перспективе цели, сколько к присоединению к некому «всемирному» движению, состоянию, действию. Идеологи ИГИЛ говорят: «...мы не остановимся до тех пор, пока весь мир не станет халифатом». Таким образом, цель отодвигается на второй план. Совершенно очевидно, что ее невозможно достичь при жизни даже нескольких поколений борцов за идеалы псевдоислама. Поэтому важна не цель, а «быть на пути борьбы»

с «неправильным цивилизационным устройством», быть «оружием судного дня» [Неклесса 2015а]. «Человек смертен, — рассуждают участники ИГИЛ сегодня, — так лучше умереть на пути аллаха»¹.

Указанная идеология действия во имя очень отдаленной во времени цели рядом ученых и экспертов определяется термином «культура смерти» [Мамиконян 2012]. Наиболее показательными иллюстрациями ее являются цитаты вербовщиков ИГИЛ, используемые ими в социальных сетях: «Присоединяясь к нам, ты умираешь. Таким образом, выбор о твоей праведности сделан. Ты уже умер, и ты уже в раю. Теперь тебе можно все». По мнению одного из ведущих политологов и философов современной России А.И. Неклессы, «элементы образа цивилизации смерти включаются в рецептуру политических игр. Сегодня этот актив — производная и осмысленная смерть — высоколиквидный товар на глобальном рынке, по-своему эксплуатируемый в геополитических и геоэкономических целях» [Неклесса 2015а].

3. «Гибридная война» подразумевает расширение финансовых возможностей террористических и экстремистских организаций одновременно с обеспечением их доступа к современным информационным технологиям.

Специалисты указывают, что, поставив под контроль контрабандные потоки нефтеторговли, афганский наркотрафик, нелегальный оборот оружия, сращиваясь с другими формами криминального международного бизнеса, террористические структуры обладают фактически неограниченными финансовыми возможностями [Сундиев и др. 2014]. Доступ к большим объемам денежных средств позволяет террористическим структурам нанимать высококвалифицированных специалистов из любой сферы деятельности, в том числе сферы ИТ, военных технологий, оружия массового уничтожения, медиасферы. Кроме того, по мнению отдельных специалистов, возможна целенаправленная передача западных высоких информационных технологий международным террористическим структурам, в активности которых заинтересованы политические круги западных стран [Клачков, Подъяпольский 2014].

Именно сложившиеся условия обуславливают то, что новый терроризм активно проявляет себя в социальных сетях, искусно проводя информационные акции, реализуя изолированную стратегию в социальных медиа. Российские эксперты в области террористических сетей отмечают, что «боевики ведут себя как настоящие профи социального маркетинга» [Сундиев, Смирнов, Костин 2015: 33]. Это означает, что в арсенале террористических структур — целый спектр маркетинговых технологий, продвигающих бренд террористических организаций и идеологий с учетом закономерностей и особенностей современной массовой культуры [Liang 2015a; 2015b].

4. В «гибридной войне» деформированная идентичность отдельных групп населения является самоцелью и особым политическим ресурсом, позволяющим создавать социальную, информационную среду высокомотивированных и управляемых террористических и экстремистских сообществ.

Фактически глобальным стратегическим трендом нового терроризма и экстремизма как элементов ведения современных войн гибридного типа является борьба за создание социальной информационной среды терроризма по всему миру [Сундиев, Смирнов, Костин 2015]. Формирование указанных сред позволяет создавать высокомотивированные группы населения с трансформированным ценностным целелогагическим и деформированной идентичностью, превращая их в элемент террористической или экстремистской международной сети. Таким образом, трансформированная система ценностей и деформированная

¹ Аль-Бадри И. Мы дойдем до Рима. Обращение халифа Ибрагима к правоверным. Доступ: www.kuzbassislam.ru/news58141.html (проверено 15.12.2015).

идентичность у различных групп населения становятся особым политическим инструментом, элементом динамичной и многофакторной системы управления, нередко определяемой как управляемый хаос [Неккесса 2015б].

Проект так называемого Исламского государства – это результат особого стратегического планирования в политических и финансовых центрах планеты. Этот проект, по мнению его креатологов, должен стать более динамичным, виртуализированным, эффективным, чем его предшественники – талибы, Аль-Каида, которые были более «тяжеловесными», требовали дорогостоящих организационных и финансовых мероприятий для своего поддержания и управления их активностью. В этой связи очевидно, что успешные военные и политические действия России на Ближнем Востоке, прежде всего в Сирии, не смогут окончательно положить конец внешне управляемому проекту под названием «Исламское государство», которое останется фактором дестабилизации обстановки в государствах, в коих присутствуют интересы транснациональных групп и политических кругов наиболее развитых стран.

С учетом всего изложенного выше можно сделать следующие выводы.

1. Россия находится в системе перманентной войны, активность деятельности противостоящей стороны в которой возрастает. Террористы и экстремисты – это средство ведения войны нового типа, в котором противник глубок и обширен. Перед системой противодействия террористической угрозе в стране стоит задача перестроиться на борьбу с нешаблонными видами угроз в виде системных атак как террористических сетевых структур, так и порой сложно опознаваемых сил, применяющих новые технологии и процедуры.

2. Трансформированная система ценностей и деформированная идентичность у различных групп населения становятся особым инструментом при достижении целей международными террористическими организациями. Стратегия, направленная на трансформацию идентичности представителей отдельных сред, социальных групп, общественных и государственных институтов, должна позволить террористам, по замыслу стоящих за ними сил, добиться таких последствий, как:

– диффузия временных, пространственных границ конфликтов, субъектов и объектов, средств и методов деятельности международных террористических и экстремистских структур;

– позиционирование в информационном пространстве образа террористических организаций как специальных структур, существующих «вне территории» и «вне устойчивой членской базы»;

– виртуализация, трансграничность процесса мобилизации участников террористических структур [Сундиев, Смирнов, Костин 2015: 33].

3. Совершенно очевидно, что в целях эффективного противодействия современному терроризму на территории Российской Федерации, наряду с борьбой с явлениями и следствиями в политике, экономике, сфере финансовых операций, технических возможностей, организационных компетенций, технологических решений, необходимы стратегии разрушения социальной и информационной среды терроризма и экстремизма одновременно с реализацией политики, направленной на защиту традиционной системы ценностей, формирование и укрепление идентичности российского народа. Фактически деятельность государства в указанной сфере в целом должна носить, прежде всего, смыслозащитный и смыслостроительный характер.

Список литературы

Добаев И.П., Добаев А.И. 2009. «Новый терроризм»: глобализация и социально-

экономическое расслоение. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 5. С. 114-120.

Журавлев Д.А. 2011. Сравнительный анализ коммуникативных стратегий террористов. — *Сравнительная политика*. № 1(3). С. 89-98.

Клачков П.В., Подъяпольский С.А. 2014. *Гуманитарные технологии и целостность государства*. М.: Ленанд. 528 с.

Мамиконян М. 2012. Смерть ради смерти. — *Радикальный ислам: взгляд из Индии и России*. М.: Центр Кургияна. С. 131-156.

Неклесса А.И. 2014. Цивилизация смерти. — *Независимая газета*. 29.10. Доступ: http://www.ng.ru/ideas/2014-10-29/10_ideas.html (проверено 27.06.2016).

Неклесса А.И. 2015а. Сердце тьмы: травматическая инклюзия. — *Актуальные проблемы экономики и права*. № 2. С. 280-295.

Неклесса А.И. 2015б. Феномен «Исламского государства»: природа, тенденции, перспективы развития — *Арабский кризис: новые вызовы*: материалы конференции. М.: Институт Африки РАН; ВШЭ.

Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. — *Изборский клуб. Официальный сайт Института динамического консерватизма*. Доступ: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/> (проверено 11.06.2016).

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ. — *Сети, когнитивная наука, управление сложностью*. Доступ: <http://spkurdyumov.ru/networks/mediaresursy-v-ekstremistskoj-i-terroristicheskoj-deyatelnosti/> (проверено 07.06.2016).

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Кундетов А.И., Федотов В.П. 2014. *Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности*: монография. М.: Полиграф-Книга. 237 с.

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В.Н. 2015. Новое качество террористической пропаганды: медиа-империя ИГИЛ. — *Информационные войны*. № 1(33). С. 30-36.

Тесленко Е.С., Пеструилова Н.Н. 2015. Феномен «ИГИЛ». — *Виктимология*. № 1(3). С. 34-39.

Чеботарев В.В. 2015. Концепт «новый терроризм»: за и против. — *Дискуссия. Политематический журнал научных публикаций*. Вып. 1(53). Январь. С. 14-21.

Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. 2009. *Новые технологии борьбы с российской государственностью*: монография. М.: Научный эксперт. 424 с.

Conway M. *Terrorism & New Media: The Cyber Battle Space*. URL: http://doras.dcu.ie/500/1/terrorism_new_media_2007.pdf (accessed 03.06.2016).

Field A. 2009. The «New Terrorism»: Revolution or Evolution? — *Political Studies Review*. Vol. 7. P. 197-200.

Liang Christina Schori. 2015a. Isil Inc.: A Portrait of a Modern Terrorist Enterprise. — *Global Terrorism Index: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. P. 76-80.

Liang Christina Schori. 2015b. Cyber Jihad: Understanding and Countering Islamic State Propaganda. — *GCSP Policy Paper*. No. 2. February.

RUDAKOV Anatoliy Valer'evich, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Chief Expert of the Research Center for the Study of National and International Security, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (2 Ulyanova St, Nizhny Novgorod, Russia, 603005; tamgderuda@mail.ru)

USTINKIN Sergei Vasil'evich, *Dr.Sci.(Hist.)*, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, Economics and Management, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com)

WARPED IDENTITY AS A RESOURCE OF INTERNATIONAL TERRORISM AND THE ELEMENT OF HYBRID WARFARE

Abstract. The article deals with the analysis of the specified features of the international terrorism. The authors give a substantiation that terrorism is used as an element of a hybrid warfare. They characterize some mechanisms of penetration of terrorist networks on the country's territory through information actions, aimed at the transformation of citizens' identity in different environments.

Keywords: hybrid warfare, new terrorism, warped identity, terrorists' information environment

УДК 316

РЯБОВ Константин Игоревич – аспирант Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ (МГИМО МИД России) (125057, Россия, г. Москва, ул. Острякова, 3, оф. 37; k.i@niigkh)

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА КАЧЕСТВА ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы, социальной практики, результатов конкретного социологического исследования автор выявляет и вскрывает основные проблемы системы ЖКХ, их коррупционную обусловленность, предлагает пути их разрешения.

Ключевые слова: коррупция, коррумпированность, жилищно-коммунальное хозяйство, товарищество собственников жилья (ТСЖ), социальное управление, социальная практика, общественный контроль, Национальный стандарт качества обслуживания населения (НСКОН).

Коррупция, согласно определению, данному в федеральном законе РФ «О противодействии коррупции», – это преступление, заключающееся в использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, «вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹.

Коррупция – явление объективное и негативное, ее показатель является оцен-

¹ Федеральный закон РФ от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.11.2015) «О противодействии коррупции». – *Российская газета*. № 266. 30.12.2008.